

Среда, 8 августа

Глава 1

Утренний свет сочился сквозь массивные гардины, увлекая за собой частички пыли, Грегерс восседал в кресле, наблюдая перемещение пылинок по гостиной. На пробуждение уходило невероятно много времени, так что вставать едва ли имело смысл. Его руки покоились на отполированных подлокотниках, голова откинулась назад, нижняя челюсть безвольно упала на грудь, глаза были прикрыты от мерцающего света; вдруг с кухни послышалось ворчание кофеварки.

После краткого обратного отсчета он приподнялся с кресла, нащупал тапочки и мелкими шажками направился к кухне, пол которой был устлан линолеумом. Маршрут был неизменен: вдоль буфета красного дерева, мимо зеленого кресла, к стене с проклятым поручнем, установленным в прошлом году социальным работником. «Спасибо, я отлично обойдусь без него», — тщетно настаивал тогда Грегерс.

Вынув из резервуара использованный фильтр, он бросил его в мусорку под раковиной. Снова переполнена. Греггерс снял мешок с пластиковой рамы и остановился у

Катрине Энгберг

стола лицом к двери. Уж по крайней мере свой собственный мусор он еще в состоянии выносить. Он покосился на коллекцию бутылок, выстроенных на лестничной клетке этажом выше. Проклятые пьянчуги. Слава богу, давненько не устраивала она этих истерических вечеринок, плавно перетекающих в следующий день. Что это за люди, черт их возьми, которые могут позволить себе пить ночь напролет? Причем в разгар рабочей недели!

Ступеньки проседали под ногами, он как можно крепче держался за перила. Конечно, разумнее было бы перейти в более современное и безопасное место, но Грегерс всю жизнь прожил в центре Копенгагена и предпочитал подвергаться риску растянуться на кривых ступеньках, нежели доживать свои дни в какой-нибудь богадельне на северо-западе города. Добравшись наконец до второго этажа, он поставил мешок с мусором на пол и прислонился к дверному косяку. Две молоденькие студентки, обитающие за этой дверью, служили источником постоянного раздражения и в то же время незаметно пробуждали в Грегерсе какую-то неуклюжую тоску. Их вспархивание вверх по лестнице, ароматные волосы и беззаботные улыбки — все это пробуждало воспоминания о летних ночах и романтических поцелуях. О некогда пережитых чувствах; обо всем, что так и осталось в мечтах, ибо в юности он возлагал все надежды на завтрашний день и слишком поздно осознал, что жизнь уже на исходе.

Немного отдышавшись, он поднял глаза и обнаружил, что дверь к юным прелестницам приоткрыта. Яркий свет струился из образовавшейся щели. Девушки были молоды и легкомысленны, но не настолько глупы, чтобы спать с незапертым запасным выходом! На часах была половина восьмого утра, они могли, конечно, только что вернуться, но все же... И почему у них горит свет?

— Привет? Есть тут кто-нибудь?

Крокодилий сторож

Он осторожно толкнул дверь носком тапка, она легко отворилась. Грегерс невольно отпрянул. Не хотелось бы прослыть старым развратником, шпионящим за юными дамами. Возможно, будет лучше прикрыть дверь и вынести мусор, пока кофе не выкипел окончательно.

Крепко вцепившись в косяк, Грегерс потянулся к дверной ручке, однако недооценил расстояние. В это жуткое мгновение, растянувшееся на целую вечность, он осознал, что ему не хватает сил удержать свой вес. Тапки заскользили по гладкому деревянному паркету, и он потерял равновесие. Грегерс сопротивлялся из последних сил, которых уже и так почти не осталось, но все-таки беспомощно ввалился в квартиру девушек, жестко приземлившись на пол. Причем не с грохотом, а с глухим стуком — так точнее было бы охарактеризовать жалкий звук, произведенный падением иссохшего стариковского тела в бархатном халате.

Для начала Грегерс попытался сделать вдох. Перелом бедра? Что скажут о нем люди? Впервые за много лет ему хотелось расплакаться. Он закрыл глаза и стал ждать, когда его обнаружат.

На черной лестнице вновь воцарилась тишина. Он ожидал услышать крики и звук спешно приближающихся шагов, но ничего не происходило. Спустя несколько минут он открыл глаза и попытался сориентироваться. Его слепила свешивающаяся с потолка шестидесятиваттная лампочка, и все же он различил белые стены с абстрактным узором, шкаф с кастрюлями и специями, а также кучу сапог и ботинок, наваленных у стены; часть обуви, видимо, находилась под ним. Он осторожно покрутил головой, чтобы понять, нет ли повреждений. Нет, с головой все в норме. Уже неплохо.

Тогда он сжал кулаки. И здесь адекватная реакция. Проклятые ботинки! Он попытался сдвинуть их, чтобы

Катрине Энгберг

оказаться непосредственно на полу, но ничего не получилось. Он посмотрел в направлении нижней части своего туловища, стараясь сфокусировать взгляд на неподатливых туфлях. Неприятное ощущение в желудке вдруг выросло в огромный удушающий ком, распиравший все тело. Кроме ботинка, из-под его старческих ноющих бедер торчала чья-то голая нога, а чуть дальше виднелось и искривленное тело, откуда нога брала начало. Она напоминала конечность манекена, но Грегерс ощутил мягкую кожу, касавшуюся его руки, а потому сразу все понял. Он приподнял руку и увидел кровь — на своей коже, на полу, на стенах. Кровь была повсюду.

Сердце Грегерса затрепетало, как волнистый попугайчик, стремящийся вырваться из клетки. Он был обездвижен, и его бессильное тело охватила паника. Вот я и умираю, подумал он. Он хотел закричать, но голос, способный издать крик о помощи, покинул его много лет назад. Из глаз покатались слезы.

*

Эстер долбила по будильнику, пытаясь положить конец адскому трезвону, грозившему расколоть ей голову. Переход от сна к реальности был тяжким и неотчетливым, и лишь на третий раз она поняла, что звук исходит от входной двери. Причем весьма и весьма настойчивый. Два мопса, Эпистема и Докса, истерично лаяли в ревностном стремлении защитить свою территорию. Она заснула прямо на покрывале, и на лице образовались такие глубокие отпечатки, что их можно было почувствовать на ощупь. Дьявол. Выйдя на пенсию около года назад, она позволила себе окончательно превратиться в «сову» и редко вставала с постели раньше десяти часов. Старинные латунные часы

Крокодилий сторож

с двумя пастушками, доставшиеся ей от матери, показывали 8.35. Она не знала никого, кто мог бы заявиться в такую рань. Если это окажется проклятый почтальон, придется запустить в него чем-нибудь тяжелым. Да хоть теми же пастушками.

Замотавшись в лиловое шелковое покрывало, она поковыляла к двери, голова раскалывалась. Неужели накануне она почти прикончила коробку красного вина? Наверняка она выпила больше пары стаканов, которые обычно позволяла себе в процессе творчества.

Тело ныло и сопротивлялось утренней рутине: растяжка, дыхательные упражнения, овсянка с изюмом. Возможно, придется даже прибегать к болеутоляющим, раз уж сегодня все так неудачно складывается. Эстер встряхнулась и глянула в глазок.

На лестнице стояли мужчина и женщина, Эстер их не узнала. Но она была без очков, к тому же вряд ли могла запомнить каждого из многих сотен студентов, за долгие годы прошедших через учебную аудиторию на Ньяльсегде. Кроме того, она почти с уверенностью могла сказать, что эти двое не принадлежали к числу бывших студентов-литературоведов. Они выглядели чересчур решительно для выпускников университета. Женщина была высокого роста, широкоплечая, в тесноватом синтетическом пиджаке, с узкими губами, накрашенными розовой помадой. Ее светлые волосы были собраны в конский хвост, кожа казалась поврежденной многолетним злоупотреблением солярием. Мужчина был худощав, с волосами редкого желтоватого оттенка, его можно было бы, пожалуй, даже назвать привлекательным, если бы не мертвенная бледность. Кто они, мормоны? Свидетели Иеговы?

Она открыла дверь. Эпистема и Докса загавкали за ее спиной, приготовившись к войне.

Катрине Энгберг

— Надеюсь, у вас была по-настоящему важная причина, чтобы меня разбудить!

Если они и удивились ее облачению, то по крайней мере никак своего удивления не выдали. Мужчина серьезно посмотрел на нее грустными глазами.

— Эстер ди Лауренти? Мы из полиции Копенгагена. Я Йеппе Кернер, а это моя коллега, следователь Анетте Вернер. Боюсь, у нас плохая новость.

Плохая новость. Желудок Эстер скрутило. Она отступила в гостиную, чтобы дать полицейским войти. Собаки миг почувствовали смену настроения и, разочарованно поскуливая, потрусили вслед за хозяйкой.

— Проходите, — произнесла она хриплым голосом, сядя на диван.

— Спасибо, — ответил мужчина, Керлер, кажется, его зовут? Он с опаской обошел малорослых псин и пристроился на краешке кресла. Женщина осталась в коридоре и с любопытством осматривала комнату.

— Примерно час назад владелец кафе-бара с первого этажа обнаружил вашего соседа снизу, Греггера Германсена, в разгаре сердечного приступа. Его отвезли в больницу и приводят в порядок. Ему повезло, что его быстро нашли, сейчас, насколько нам известно, его состояние стабильное. Он растянулся прямо на пороге квартиры на втором этаже.

Эстер взяла френч-пресс со вчерашним кофе, но поставила его обратно, так им и не воспользовавшись.

— Это должно было рано или поздно случиться. Греггерс уже давно был совсем плох. А что он делал на втором этаже?

— Вы знаете, мы как раз надеялись, что вы поможете нам пролить свет на этот факт.

Полицейский скрестил руки на груди и спокойно посмотрел на нее.

Крокодилий сторож

Эстер отложила тяжелое покрывало на диван честерфилд, уже занятый какими-то бумагами, смятыми одноразовыми платочками и несколькими небрежно брошенными кардиганами. Молодые люди, вероятно, переживут вид пожилой дамы в ночной сорочке.

— Скажите мне наконец, что вы здесь делаете? С каких это пор полиция вторгается в дом, где старик упал от сердечного приступа?

Сотрудники полиции обменялись взглядами, которые сложно было расшифровать. Вероятно, сами они прекрасно друг друга поняли, так как женщина кивнула с порога и слегка отклонилась назад. Керлер осторожно отодвинул стопку книг и чуть глубже устроился в кресле.

— Фру Лауренти, вы слышали что-нибудь необычное накануне вечером или ночью?

Во-первых, Эстер передернуло от того, что ее назвали «фру», а во-вторых, она не слышала ничего, кроме релаксационной композиции с песнями китов, в настоящий период времени она прослушивала эти звуки в качестве снотворного, когда красное вино не справлялось с этой ролью.

— Во сколько вы вчера легли спать?

Он и не думал останавливаться.

— За последние несколько дней в вашем доме происходило что-нибудь необычное? Говорите все, что придет на ум.

Взгляд полицейского был спокойным и открытым. Он снова скрестил руки на груди.

— Вы вытаскиваете меня из постели ни свет ни заря, я сижу перед вами в ночной рубашке, не успев даже выпить кофе, и я хочу знать, в чем дело, прежде чем отвечать на какие бы то ни было вопросы! — Эстер поджала губы.

— Ранним утром Греггерс Германсен обнаружил в кухне на втором этаже труп молодой женщины. — Полицейский говорил медленно, не сводя с нее глаз. — Мы находимся в

Катрине Энгберг

процессе установления личности жертвы и выяснения причины смерти, однако уже знаем, что речь идет о преступлении. Господин Германсен испытал колоссальное потрясение и пока что не в состоянии общаться с нами. Необходимо, чтобы вы рассказали все, что вам известно о жильцах дома, а также о том, что происходило в подъезде в течение нескольких последних дней.

Эстер почувствовала, как волна шока охватывает ее тело, распространяясь от щиколоток к бедрам и парализует грудную клетку, и засомневалась, что может дышать. Кожа у нее на голове съежилась, коротко подстриженные волосы, подкрашенные хной, от долгой дрожи встали на затылке дыбом.

— Кто? Это кто-то из девочек? Неправда. В моем доме никто не может умереть.

Она сама поняла, как нелепо это прозвучало, как-то бездумно и наивно. Почувствовав, что пол уходит у нее из-под ног, она схватилась за подлокотник, боясь упасть.

Полицейский протянул руку, чтобы поддержать ее.

— Так что там насчет кофе, фру Лауренти?

Наконец-то оторвавшись от блюда с остатками хлеба с джемом, оса с жужжанием перебралась на стопку книг. Резкий щелчок диспенсером для скотча, и расплющенное тельце насекомого отправляется в свой последний полет в распахнутое окно.

Вдохнув аромат нового дня, она была вынуждена зажать ноздри пальцами, чтобы подавить ощущение щекотания в носу. Прекрасное чувство, смесь меланхолии и счастья, нужно было попытаться сохранить его как можно дольше. Волосы еще влажные после душа в кабинке, покрытой толстым слоем известкового налета. Придется срочно что-то с этим делать, чем-то обработать, что ли. Комната наполнилась солнечным све-

Крокодилий сторож

том и звуками утреннего города. Автомобильные гудки, крики велокурьеров, переругивающихся с ранними туристами, аромат свежeweымытого асфальта.

День начался с тоста и крепкого кофе, все еще остывающего на круглом столике в кухне по соседству с айфоном. Ни звонков, ни сообщений. Она проверила в очередной раз. С тех пор как она съехала из дома, прошло совсем немного времени, поэтому она по-прежнему находила прелесть в повседневных хлопотах вроде похода за покупками или стирки. Она еще толком не приспособилась к новому быту, просто наслаждалась возможностью совсем «по-вzрослому» решать, когда, как и что делать.

К пустоте в холодильнике она не привыкла. Невозможность заполнить его брезаолой и экологичными овощами приводила ее в состояние подавленности. Всякий раз она приносила из супермаркета губки для мытья посуды и овсяные хлопья. Она как будто еще не нашла своего места в мире. Хотя периодически она попадала в обнадеживающие ситуации — к примеру, когда в прачечной, суша белье, оказывалась среди таких же молодых людей, улыбалась поверх дозатора с порошком и с готовностью пересаживалась, чтобы освободить кому-нибудь место за складным столиком. Тогда она бывала не одинока. Но воодушевление длилось недолго. Стоило ей втащить к себе наверх икейный мешок с еще влажной одеждой и очутиться в квартире одной-одинешеньке, недавние чаяния мгновенно улетучивались.

Глава 2

Йеппе смотрел на узкую ручку, которую сжимал кончиками пальцев. Эстер ди Лауренти облачилась в банный халат и сварила кофе, теперь они сидели в мягких креслах